

ДВ 84(2)рос : Ручб-7

Н 63

Юрий Николаев

МУХА

Юношескому
оундеку
Губинскому ул. Дзержинского
от автора
на память 2007г

4

Ю. Николаев

1В 84 (2Рос = Рус) 6

Н 63

МУХА

Комический триллер для детей и взрослых
с лирическими отступлениями и эпилогом

Художник С. Дикарев

Комсомольск н/А
МУК ГЦБ
Хабаровский край

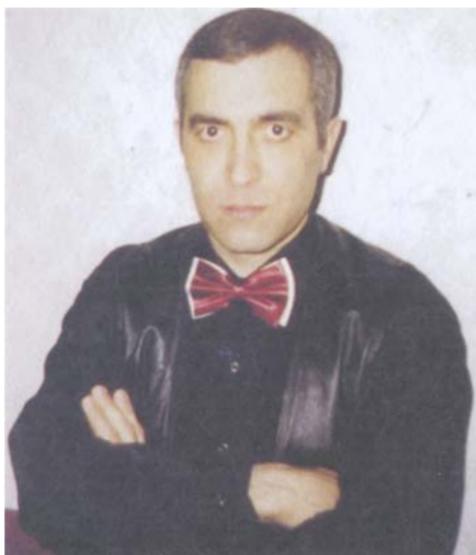
ЮН

Комсомольская н/А
ЦГБ им. Н.Островского

ББК 84Р7

Издательство «Агора»

Друг мой! Если сейчас Вы держите в руках эту книжечку — я подозреваю - Вы собрались ее прочесть. И правильно сделаете, потому что обычно книги читают. А читают их, чаще всего, потому что об этом просят родители, ваша учительница, или долг и репутация отличника.

Раслабьтесь, этой книги в школьной программе нет, даже в старшем классе. Даже в университете. Эти герои, и прежде всего Муха, живут вне законов, установленных министерством образования. Почему? — Вы узнаете сами.

Эта повесть — чтиво для удовольствия. Мои персонажи необычны, не похожи друг на друга и их абсолютно не волнует общественное мнение, они такие - какие есть. И в этом вся прелесть. Окружающее невозможно разделить только на черное и белое, в мире столько цветов и оттенков! И видеть в двоечнике пропащего безнадежного человека может только глупец. Узнайте в этих героях своих друзей, знакомых и, может быть, даже себя. Любите их, как полюбил их я, и тогда Вы почувствуете себя частью этого чудесного мира.

С уважением, автор.

Глава 1

Первое знакомство с Мухой. Как вредно получать двойки, или последний писк моды.

Была зима. Муха лежала на окошке в подъезде и, посасывая лапку, мирно спала, когда проходивший мимо двоечник Валерка нечаянно ее нашел.

Валерка не был злодеем, но он только что получил в 6 “Б” очередную порцию подзатыльников и двоек и был зол на весь мир. Он взял спящую Муху за талию, внимательно рассмотрел и, осторожно оторвав ей крылышки, положил на место. “Надо будет посмотреть весной, что она будет делать!” - решил Валерка.

Пришла весна. Муха проснулась оттого, что кто-то тряс ее за плечо. Это был дворник Авдеич.

- Вставай, козявка, зима кончилась! - сказал Авдеич и заботливо убрал над Мухой альков из паутины.

Муха женственно потянулась и стеснительно прикрылась от глаз дворника. Она оглядела себя в кусочке зеркала и вдруг с ужасом обнаружила отсутствие некоторой своей части. А именно - крыльев.

- Ну, народ! - воскликнула бедная Муха, - уснешь целой, а проснешься черт знает какой!

Она обреченно вздохнула и посмотрела по сторонам. То там, то сям вокруг нее по маленьким трещинкам и за кусочками всякого мусора медленно просыпались другие мухи. Они позевывали, протирали лапками заспанные мордочки и вежливо приветствовали друг друга.

- Здравствуйте, соседка! - сказал нашей Мухе старый зеленый Мух, вылезая на подоконник из-под сигаретного окурка.

Он так пропитался от него табаком, что Муха поморщилась и чихнула.

- А-апчи, здравствуйте, дядюшка Мух.

Дядюшка Мух жил в подъезде очень долго, никто даже не знал сколько, говорят, что он помнил даже те времена, когда подъезды были чистыми.

- Ой, что это с Вами?! - воскликнул удивленный дядюшка Мух.

- Что? А что со мной?

- Ваши крылья, их, извините, нет!

- Ах это..., - небрежно сказала Муха, - долго же вы спите, дядюшка, так долго, что не знаете последних новостей.

Старому зеленому Муху совсем не хотелось прослыть невеждой, и он спросил шепотом:

- А что, что случилось?

- Неужто вы не знаете, - как можно громче сказала Муха, так громко, чтобы ее могли слышать и остальные мухи, - в этом сезоне - это последний писк моды! Сейчас носить крылья вообще считается дурным вкусом, это старомодно и примитивно!

Все вокруг замерли и обернулись к ним.

- Но как же мы будем летать? - спросил вслух пораженный старый дядюшка Мух.

- Да, да! - воскликнули все, - как мы будем вообще передвигаться? Мы же разобьемся, нас догонит и сожрет страшный и злой паук!

И только молоденькие мухи завизжали от восторга и начали рвать на себе новенькие блестящие крылья.

- Как это классно! Вау! - пищали они, - мы хотим быть модными! - стонали молоденькие мушки.

А в это время мимо проходил двоечник Валерка. У него было прекрасное настроение, потому что его поцеловала отличница Кузина. Валерка случайно взглянул на подоконник и увидел Муху без крыльев, которая беспомощно, но гордо копошилась там.

- А-а, старая знакомая, - сказал Валерка. Он осторожно перенес ее двумя пальцами на ладошку и пошел дальше.

- Ну, пока, что-то я с вами совсем заболталась, некогда мне, - проговорила Муха, - мне на обед пора, а то мой носильщик обидится, - и она кивнула на Валерку. Все ахнули.

- Вау! - только и смогли вымолвить молодые мушки. - Вау, как это круто!

А довольная Муха не знала, что она в ладошке действительно ехала на обед. На обед к маленькому воробышку, который жил у Валерки дома. Но это - уже совсем другая история.

Глава 2

Между жизнью и смертью. Лекарство от страха существует!

Птаха подозрительно покосилась на Валеркин подарок и чирикнула.

Воробей жил у Валерки в квартире уже давно: целую зиму и часть весны. Он бы замерз на улице, если бы добрая душа Валерка не подобрал его тогда. Дворник Авдеич облил беднягу водой из шланга, заливая во дворе каток, и маленький обледенелый комочек так бы и остался вмерзшим в лед, как стрекоза в доисторический минерал.

Поначалу Воробей боялся мальчика и его родителей. Он пришел в себя, но еще не мог летать. Забившись в угол, он с опаской посматривал на людей, но потом понял, что от них, кроме сюсюканья и разных вкусных крошек, ничего не дождется. Люди, на самом деле, оказались не такими уж и страшными существами. Только на дворника со шлангом Воробей затаил страшную мстительную обиду...

Муха лежала перед ним кверху лапками и притворно стонала.

“Ну-ну, - сказал себе Воробей, - видали мы таких, сейчас начнет молить о пощаде и вспоминать своих бедных малюток”.

Но Муха вдруг запищала такое, что Воробей опешил.

- Ну что ты рассматриваешь меня, будто никогда не видел мух, чего ты медлишь? Скорее приступай к делу!

- К чему? К какому такому делу? - насторожился Воробышек.

- О господи, мне тебя еще и учить, ты же взрослый воробей и прекрасно знаешь - что делают с нами, бедными мухами, такие типы вроде тебя.

- Ну, я, предположим, знаю, - неуверенно сказал Воробышек, - мы вас просто съедаем. Разве не так?

- Ну?

- Что “ну”?

- Ну так и съедай быстрее, чего еще тут рассуждать! - и Муха опять громко застонала.

Воробей посмотрел вокруг, потоптался с лапки на лапку и уже хотел было просто проглотить эту бескрылую болтушку, но что-то ему подсказывало: здесь что-то не так! Так не бывает, чтобы жертва сама просилась на съедение.

- А можно вопрос? - робко спросил он. Муха перестала стонать и, закатив выпуклые глаза, проворчала:

- Ну, чего еще?

- А я вот интересуюсь, так, между прочим, почему ты сама хочешь, чтобы я тебя съел?

- Ты долго будешь меня мучить?! - еще сильнее сморщилась Муха. - Ты видишь, как я страдаю, как мне невыносимо больно, я уже не могу терпеть эту боль, а ты пристал со своими глупыми вопросами! Какие же вы, птицы, тупые создания! Ладно, я скажу, я все тебе скажу, если только выдержу эти адские физические муки. Дело в том, пернатый, что я очень больна одной редкой, но страшной болезнью. И эта болезнь приносит мне ужасные страдания. Я просто корчусь от боли, у меня уже и крылья отвалились от этой болезни. Я не в силах выносить столько тяжких мучений, и именно поэтому я и хочу, чтобы ты избавил меня от них. Съешь меня скорее, если в тебе осталась хоть капля сострадания! - И Муха, медленно закрыв глаза, притихла.

Воробышек потрясенно смотрел на нее сверху вниз и чувствовал, что его начинает слегка подташнивать.

- Скажи, а эта твоя болезнь, приносящая тебе такие муки, она не заразна?

- А, ну да, я совсем забыла, извини. Знаешь, как тебе сказать, честно говоря, я и сама точно не знаю. Хотя знаю, что когда мою бабушку, болевшую той же болезнью, нечаянно всосал хоботом проходивший мимо слон, то он тут же упал на дорогу и откинул копыта. Но тебе чего бояться, ты же не слон? Ты же всю жизнь питаешься нами, мухами.

Воробей почесал клювом под крылом и ответил:

- А знаешь, что-то я сегодня так плотно позавтракал, ты можешь стонать сколько угодно, но я пока не буду тебя съедать.

- Изверг! - только и сказала Муха, - какие же вы, птицы...

- Ты уже это говорила, - прервал ее Воробей.

- Как знаешь, - Муха обиженно отвернулась, потом украдкой посмотрела на Воробья и, как бы между прочим, пропищала:

- А вообще-то, от этой болезни можно вылечиться.

- Да? Ну и как же, если не секрет?

- А-а, какая тебе разница, глупая птаха, ты же все равно не захочешь меня лечить. Хотя, если бы я выздоровела, я бы стала большой, жирной, вкусной мухой. Ой, что это я говорю!

- А какие лекарства нужны? - заинтересовался Воробей.

- Лекарства. Лекарства очень редкие, но вполне доступные для тебя, ведь у тебя есть крылья, - Муха вздохнула. - Прежде всего - варенье, любое варенье, еще можно мед, на худой конец пойдут и сладкие булочки с глазурью и карамель без фантика...

Воробей уже не слышал последних слов, он радостно парил на кухню, где Валерка заканчивал доедать свой шикарный обед.

- Только без фантика-а! - кричала ему вслед довольная Муха.

Что было дальше - не сложно домыслить. Муха лечилась плотно и безо всякой скромности. Где-то через месяц она уже лоснилась от жира, была тучной и неповоротливой от сладостей и весила уже половину веса Воробья. Немного проголодавшись в поисках сладких лекарств, бедняга Воробышек иногда несмело спрашивал ее:

- Извини, как ты себя чувствуешь? Муха прожевывала кусок пряника, запивала его компотом и, презрительно покосившись на Воробья, раздраженно вздыхала:

- Плохо! Еще очень плохо!

Глава 3

Долг платежом красен. Птицам небо, мухам - кухню!

Весна была в самом разгаре. Солнце висело в небе как огромная раскаленная сковорода, и во дворе все распускалось и зеленело.

Воробей загрустил. Его друзья и подружки, пережившие зиму, весело щебетали за окном, в воздухе носились полчища мошек, и старый дворник Авдеич раскидывал у подъезда недоеденные крошки хлеба.

“Нет, лучше все-таки черствый хлеб на воле, чем сладкие булочки в плену”, - подумал Воробышек, поглядывая на Валерку, - “Валерка - хороший человек, хоть и двоечник, и пора бы ему отпустить птицу на свободу, чего ему в квартире жить? Он же не кенар какой, и не попугай ...” Воробей вздохнул и прикрыл глаза.

Муха, посапывая, лежала рядом. Прошло уже много времени с того дня, как она поселилась в квартире. Воробью теперь почему-то и в голову не приходило съесть ее, слишком уж он привязался к ней. Муха стала ему как маленькая, но близкая родственница, а родственников есть как-то неэтично.

- Чего скис? - толкнула его Муха задней ногой и зевнула.

- Да так, взгрустнулось что-то, - ответил Воробей и посмотрел за окно.

- А-а, понимаю, зов природы, инстинкты.

Воробей не знал таких слов, но на Муху не обиделся.

- На волю хочешь? - небрежно поинтересовалась Муха, почесывая свою взлохмаченную немытую голову. Воробей промолчал. - Хочешь, хочешь! - захихикала Муха. - Ладно, так и быть, помогу тебе. Может быть. Как-нибудь, - и она опять, сладко потянувшись, задремала.

Воробей тоже попробовал уснуть, но какая-то навязчивая, как комарик, мысль не давала ему покоя.

- Эй! - окликнул он Муху.

- А? Что? - Муха вздрогнула.

- Я, это, хотел спросить: ты и вправду можешь мне как-то помочь? Ну, насчет свободы.

Муха потянулась, шмыгнула носом и спросила с ухмылкой:

- А как же зима?

- Переживу.

- А дворник?

- Убегу.

- А голод?

- А мухи на что?! - психанул Воробей и отвернулся.

- Эй, ладно, не дуйся, - Муха присела рядом, на край подоконника, свесила ноги и сказала: - План такой, пернатый: ты как бы съедаешь чего-нибудь, или кого-нибудь - она покосилась на Воробья, - травишься, у-ми-раешь, тебя берут за лапку и выбрасывают... куда?

- Куда?

- Во двор! Чего и требовалось доказать. Ну как?

- Эй, эй, подожди, что значит - травмишься, что значит - умираешь, зачем мне такая свобода, если я буду лежать мертвым на помойке? - Воробей насупился.

- Да-а, я всегда говорила, что Воробей глуп, как курица, - процедила Муха, - темнота, повторяю для недоразвитых: ты умираешь не взаправду, это будет ложная смерть, усек?!

Воробей оцепенел, будто уже начал умирать, нервно чирикнул и уставился на Муху, как на величайшее божество.

- Не надо, не надо меня благодарить, - скромно потупилась Муха, - мне бы только...

- Говори, - выдохнул Воробей, - что хочешь сделаю!

- Да ничего особенного, мне бы место жительства сменить. Слегка. Чего-то надоело мне торчать на этом засиженном подоконнике.

- Нет проблем, - широко улыбнулся Воробей, - какой адрес тебя интересует?

-Конечно, кухня! - просияла Муха.

Лирическое отступление

Из жизни людей

- Вот несчастье-то какое! - сокрушенно вздохнула Валеркина мама.

- Что еще? - спросил с дивана Валеркин папа, - неужели Валерка жабу в дом принес?

- Воробышек умер, - сказала мама.

- Странно, - отложил газету папа, - с чего это вдруг? Молодой еще достаточно воробей, не больной.

- Вот Валерка-то расстроится.

- А что поделаешь, мы же не виноваты, - нахмурился папа и добавил: - Это, наверное, он с тоски, воробы - птицы вольные, им свобода нужна.

- Надо его похоронить во дворе, - предложила мама.

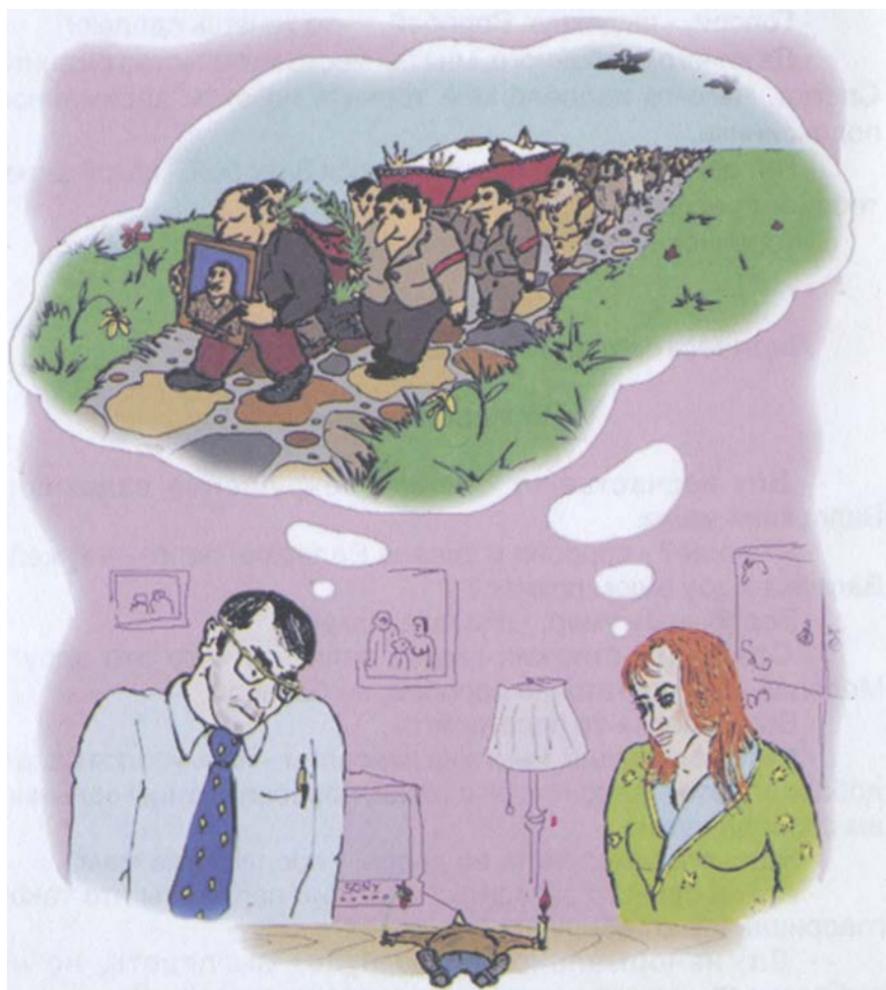
- Ага, и оркестр заказать, - съязвил папа, - ты что такое говоришь, что о тебе люди подумают?

- Да, ненормально как-то будет выглядеть, но не выбрасывать же его в мусорном ведре на помойку?

- Мы вот что сделаем, - придумал папа, - сейчас я выйду за пивом и вынесу его тихонечко, на травку положу, пусть его друзья хоронят, воробьи знакомые.

- Только поскорее, пока Валерка из школы не пришел. Мы ему скажем, что Воробышек в форточку упорхнул, нечаянно.

- Да, так и сделаем, а Валерке мы kota заведем. Надо, чтобы всегда животное в доме было, для удовольствия.

Глава 4

Новое знакомство.

“Братки” наступают и проигрывают.

Мухе снились кошмары. Маленькие усатые дворники Авдеичи медленно надвигались на нее, размахивая скрученной газетой “Гудок”. Кольцо становилось плотнее и плотнее, Муха вжалась в угол, судорожно хватая ртом воздух, и беззвучно кричала.

Наконец, она открыла глаза и уставилась в сумрак кухни. Была глубокая ночь. Дом спал. Где-то за окном во дворе верещал сонный сверчок.

Муха зевнула и повернулась на другой бок. Рядом, возле горшка с чайной розой, стоял странный тип. Он молча смотрел на Муху и шевелил длинными рыжими усами. Муха замерла, затаила дыхание и спросила осипшим голосом:

- Ты кто?
- Конь в телогрейке! - улыбнулся незнакомец.
- В пальто, - поправила его Муха.
- Так смешнее, - сказал усатый и представился: -

Станислав.

- А я - Муха.

- Вижу, что не слон. А имя у тебя есть? - спросил Станислав, потрогав Муху левым усом.

- Щекотно, - сказала Муха.

- Извини, - Станислав слегка свистнул, и из-за горшка вышли два таких же крепыша с усами поменьше. Они посмотрели на Муху и, пошевелив усами, присели на опавший лепесток розы.

- Мои друзья, - кивнул в их сторону Станислав.

Муха промолчала. Ее озадачил ночной визит незнакомцев. Страх они не вызывали, но все равно было как-то не по себе.

- Странная она какая-то, - сказал один из них, тот, что помоложе, разглядывая Муху.

- Угу, - согласился второй, - без крыльев, впервые такую вижу.

- Мутация, - сказал Станислав. Он вообще славился богатым набором умных словечек и поэтому был предводителем тараканьей братии.

- Сами вы... с усами, - обиделась Муха. Тараканы

беззлобно засмеялись, - и вообще, не ваше дело, идете себе и идите, куда шли, у вас вон, кстати, крылья-то есть, чего ж вы не порхаєте?

- Судьба, - гордо сказал Станислав.

- Короче, тетка, - произнес молодой таракан, - ты это,

вот что, кончай прикидываться инвалидом и топай с нашей территории, пока в памяти.

Муха растерялась, она и не думала, что территория может быть чьей-то, мир же вон какой огромный.

- Верно, братан, говоришь, - поддержал его другой, - если тут кто попало ошиваться будет, мы сами с голоду погибнем, - он откусил кусочек розового лепестка, кисло сморщился и плюнул на оконное стекло.

Станислав посмотрел на них, сложил передние лапки за спину и прошелся по подоконнику.

- Вообще так, уважаемая, - начал он, - все, что находится в этой кухне, принадлежит нам полностью и безоговорочно, - видно было, что Станислав сладко упивался собственной речью, - и мы, контролируя данную территорию, оставляем за собой право предъявить Вам кое-какие требования...

- Плевать мне на ваши требования, - вжавшись в угол, почти дрожащим голосом прервала его Муха, - и вообще, маршируйте отсюда, ребята, у меня есть свои покровители, кажется у вас это называется "крыша", и я вам не завидую... если что.

- Это вы про кого? - насторожился Станислав, - неужели скажете, что Вы - протеже Валерки! - Он хмыкнул, его друзья тоже захихикали.

-А почему бы и нет? - Муха осмелела. - Что думаете, если я насекомое, то какое-то там ничтожество?! Нет, братцы, вы жестоко ошибаетесь. Я - не простая Муха, а декоративная. Такая порода выведена, для удовольствия: "мухус безкрылус" называется. Меня Валерке подарили на день рождения и купили в зоомагазине за целых сто баксов. Эй, рыжий! - Муха уже вошла в роль, - ты, например, можешь стоять ну хоть какие-то деньги, а?

Тараканы тупо молчали, уставившись на Муху, словно она была изобретателем дихлофоса. Потом младший криво улыбнулся и прогундосил:

-Ой-ой, уж и пошутить нельзя!

-Извините, сударыня, спокойной Вам ночи! - интеллигентно сказал Станислав.

Лирическое отступление

Торт и “ПК”

Теперь уже вряд ли можно точно вспомнить, было ли это случайностью, или Валерка специально оставил на подоконнике эту штуку. Для нее, для Мухи. Интересная штука: листики, буковки, картинки цветные красивые. Книжка называется.

Муха сначала боялась ее, потому что ветер в форточку дул. Листы от сквозняка переворачивались, шелестели и Муху пугали. Но она же не из трусливых. Это кто-нибудь другой сидел бы за цветочным горшком до самой пенсии и смотрел со страхом на эту штуковину, но только не наша Муха. Она уже через пять минут сидела на книге и рассматривала всякие черные закорючки, которые на страницах были накаляканы. Хорошо, что книга русская попалась. Наши буквы понять проще, чем какие-то иероглифы.

А что Мухе делать? Времени у нее предостаточно: жизнь большая. И решила Муха выучить эти буковки, эти словечки научиться понимать, и, может быть, даже писать наловчиться. Что тут такого сложного? Если Валерка читать и писать умеет, то почему она не может научиться, чем она хуже?

Буквы разные, но повторяются часто - это Муха сразу заметила. Есть буквы круглые, есть угловатые, а есть красивые, например, буква “Ж”. Она на Муху похожа. А “К” - это Муха из-за угла выглядывает.

На столе стоит торт. На нем написано “торт”, а Валерка подходит и говорит: “Где мой торт?” Ясное дело - Муха сразу сообразила, какие звуки какими буквами обозначают. Еще Валерка держит в руках бутылку, на ней написано “пепси-кола”. “Вкусная пепси-кола!” - говорит Валерка. Муха и эти буквы запомнила. В книжке их нашла. Потом и до остальных дошла, тоже посредством продуктов. Они, эти продукты, почти все подписаны для убедительности. Потому что форма не всегда совпадает с содержанием. И если на обертке написано “колбаса”, а там, внутри, непонятно что, то тут уж посложнее будет. Но все равно Муха знания впитывала, как сироп из стакана, и уже через неделю сносно читала по слогам. Книжку, которая на подоконнике лежала, проштудировала всю. Занятая книжечка оказалась, называется “Справочник пользователя

ПК". Кто такой ПК - Муха так и не поняла, наверное чья-то фамилия. Но это неважно. Главное - она теперь читать и писать может. Двадцать первый век на дворе, нельзя от жизни отставать, неприлично.

Глава 5

Поделись последним яблоком с другом. Лечите кариес, господа!

Лето - это классно! Это тепло и много-много света, это изобилие фруктов и ягод.

Овощи Муха тоже любила, но как-то меньше, чем сладкие пампушечки клубники, созревающие на подоконнике. Подоконник был большой, и там в беспорядке, без всякой системы лежали томаты и ягоды, яблоки и стручки спаржи. На полу, возле окошка, лежал огромный арбуз, на который Муха любовалась, как космонавт на Землю с космической станции.

Однажды из одного яблока, кряхтя, вылез большой белый червяк и, увидев Муху, вздрогнул.

- Здрасьте, - сказал он.

- Привет, - Муха брезгливо посмотрела на яблоко и подумала, что Валерке было бы, наверное, не по себе, если бы он нечаянно проглотил этого "шахтера" вместе с кусочком фрукта.

- Хотите яблоко? - спросил Червяк.

- Спасибо, я уже обедала, - ответила Муха. Червяк размял свои скукоженные мышцы и нырнул обратно, в свою яблочную шахту. Муха посмотрела ему вслед и вздохнула: "Как они живут - ничего, кроме своего яблока, не видят! Бедноватый кругозор".

- Эй! - она постучала по нежной коже. - Свистать всех наверх!

Червяк выглянул одними испуганными глазами и вопросительно уставился на Муху.

- Дело есть, - прошептала Муха. Червяк вылез еще на четверть и, дожевывая мякоть яблока, сказал:
- Если криминал, то как-нибудь без меня.
 - Какой криминал, сынок?! - откровенно возмутилась Муха.
- Посмотри на меня, я что - похожа на авантюристку?
Червяк вылез еще немного, уселся поудобнее и, потупясь, сказал:
- Вообще-то да.
 - Ха, это чем же?
 - А Ваши крылья, где они?
 - В химчистке, - не моргнув глазом, ответила Муха.

- Червяк внимательно заглянул Мухе за спину, потом посмотрел ей в честные выпуклые глаза и спросил:
- Ну, что за афера?
 - В общем, так, - оживилась Муха, - смотри вниз, смотри-смотри вон туда! Ага, видишь? Видишь там внизу большущее яблоко? - и она показала на арбуз.

- Ух ты! - Червяк раскрыл рот, обнажив крепкие белые зубы, - какое огромное! А это и вправду яблоко?

- А то! - возмутилась Муха, - это самое что ни на есть яблочное яблоко из всех яблок.

- Супер! - вздохнул Червяк.

- Это мое яблоко, - небрежно заметила Муха, -вчера купила. У Валерки.

- Здорово! - искренне заметил Червяк.

- Подумаешь! - зевнула Муха. Она сделала паузу, любуясь на сияющую физиономию собеседника, и предложила: - Хочешь войти в долю? Куда мне одной столько.

- А можно?

-Конечно, конечно можно, мой юный друг, ноты понимаешь, что не за красивые глазки, не просто так.

-Я понимаю, а что я должен сделать? - Червяк насторожился.

- Пустяки, надо прогрызть отверстие в коже до мякоти. Если бы ты знал, питончик, какая там мякоть! - Муха закатила глаза.

- Всего-то! - Червяк вылез наружу полностью, встряхнулся и похвастался: - Я вообще лучший грызун в районе, у меня зубы - во! Ни одного кариеса.

- Кто бы сомневался, - улыбнулась Муха, - ну давай тогда, вперед, поехали! - и она дала отмашку всеми лапами сразу.

Червяк беззвучно и ловко соскользнул вниз и через пару минут уже белел своей нежной кожей на темном фоне арбуза.

- Тут грызть? - крикнул он.

- Где тебе будет удобно, - хихикнула Муха и завалилась на мягкий лепесток чайной розы.

Через пару часов она проснулась и заглянула вниз. Червяк копался, нервно поскрипывая челюстью, и прогрыз кожуру с самого верха, чуть-чуть.

- Ну-ну, - сказала Муха вполголоса и опять уснула.

Еще через три часа она проснулась от того, что услышала злое ворчание Червяка и скрип его стершихся наполовину зубов. Арбузная корка тоже была прогрызена ровно наполовину. Червяк выглядел сильно уставшим и почему-то

очень покрасневшим. То ли от напряжения, то ли от стыда.

- Ну, и где твои лучшие в районе зубы? - ухмыльнулась Муха. Червяк зарычал и бешено ринулся на приступ оставшейся части кожуры.

К вечеру дело было сделано. Червяк, стерший свои белые зубы до самых десен, посрамлено и обессилено валялся, уцепившись остатками конечностей за суховатый арбузный хвостик. Муха сидела на краю прогрызенной дырочки и, прикрыв от удовольствия глаза, громко чавкая, жевала красную, сочную, сладко-водянистую мякоть арбуза.

Лирическое отступление

Утренний гость или ранняя пташка

Кто-то громко чирикнул у нее над самым ухом, и Муха, вздрогнув, проснулась.

Она ошалело посмотрела по сторонам и вдруг услышала над собой чье-то добродушное хихиканье.

На козырьке окна сидел Воробей.

- Привет! - улыбнулся он во весь свой желторотый клюв, - как поживаешь?

Муха, еще не отойдя от сна, посмотрела на него испуганно, потом, успокоившись, потянулась, зевнула и ответила:

- Спасибо, прилично. А ты?

- Я? Хорошо, просто прекрасно! Ты знаешь, жизнь - такая интересная штука, она просто создана для того, чтобы ею наслаждаться! Ты понимаешь?

- Ну ты философ, - усмехнулась Муха, - давай входи, гостем будешь, я тебя тортом угощу, - и, не покраснев, добавила: - Сама пекла.

Воробей опять засмеялся звонко, но помотал головой:

- Нет уж, спасибо. Я лучше там, - он кивнул в сторону улицы, - что-нибудь поклюю.

- Пожалеешь!

- А хочешь туда, со мной, на волю? - искренне спросил Воробей, - будем вместе летать, я тебе такие места покажу! Такая природа! Шишкин рядом не валялся!

- Окей, - сказала Муха, - давай мне свои крылья, и я слетаю

на твои любимые места, - и она обиженно отвернулась.

- Извини, - спохватился Воробей, - я забыл о твоей проблеме. Ну, Валерка, ну, вредитель! - Воробей слепил из тонкой лапки кулачок и погрозил в пустоту квартиры.

- Ничего, - вздохнула Муха, - жизнь на этом не кончается.

Они помолчали.

- Да, дворника помнишь? Который меня прошлой зимой, из шланга? - опять засиял Воробышек.

- Еще бы, ты мне про него все уши прочирикал, - улыбнулась в ответ Муха, - и что?

- Отомстил, - скромно чирикнул Воробей, - аж три раза.

- Это как?

- “Как”, “как”, вот именно что “как”, - ответил Воробышек, - сверху!

И опять, чуть не свалившись вниз, закатился долгим залившимся чириканьем. Муха тоже залилась скрипучим смешком, вытирая лапой слезы.

- Ну ладно, полечу я, - сказал наконец Воробышек, - меня ...это... друзья ждут, не скучай!

Он легко порхнул серым камешком с окошка и взвился в небо.

- Орел! - вздохнула печально Муха и долго смотрела ему вслед, пока не потеряла из виду.

Глава 6

“Пусть всегда буду я”, или кое-что о пользе географии

Этого Муха боялась больше всего на свете. И первая мысль, которая мелькнула у нее в голове, была о Воробье. Но не как о роковом спасителе. “Лучше бы он съел меня тогда, во всяком случае, это была бы не такая мучительная смерть”, - отрешенно подумала Муха.

Паук стоял рядом и, помахивая паутинкой, издевательски ухмылялся. “Все, вот и конец!” Муха, собрав остатки сил, храбро взглянула ему в лицо.

- Добрый день! - пробасил Паук. Муха промолчала. Не хватало еще унижаться перед ним.

- Какие мы гордые! - скривил зубастую пасть Паук. Муха отвернулась к окошку и посмотрела в далекое синее небо. Только бы сдержаться, только бы не заплакать, не подать вида, что ей страшно.

- Эй, ты что, глухая? - Паук перестал улыбаться и, сплюнув, вытащил откуда-то длинную жуткую паутину с петлей на конце.

- Пусть всегда будет солнце, пусть всегда будет небо..., - вполголоса запела Муха. Вдруг Паук насторожился, озабоченно нахмурил густые брови и спросил:

- Любезная, а где твои крылышки?

Муха остатком сознания почувствовала, что, может быть,

у нее и есть шанс. Надо только не сдаваться, не падать духом. Она жеманно повернула голову в сторону Паука и на ломаном языке спросила:

- А что есть такое “крылички”?

- Кхе-кхе, - закашлялся от смеха Паук, но потом перестал смеяться и недоверчиво спросил: - Ты что, иностранка что ли?

- Да, я есть иностранная подданная, - кивнула Муха, - я есть гражданка Африка.

- О-о, - покачал головой Паук, - но было видно, что он еще не верит до конца ее словам, - ну и как там у вас, в этой самой Африке? Как жизнь?

- Корошо, - ответила Муха, - лето - круглый год, еды - завались! - и уже увереннее добавила: - Мухи там огромные - с воробья, а пауки - ма-аленькие, как микробы.

Паук опять хрипло засмеялся, неловко завалившись, присел, поджав под свое тучное тело тощие волосатые ноги.

- И что тебя в наши края занесло? - спросил он.

- Э-э... я есть посол, э-э... ди-пло-мат.

- Чево? - не понял Паук, - кто пошел? Какой такой мат? Я говорю: у нас ты что делаешь?

Муха, уже окончательно осмелев, подошла к Пауку, похлопала ладошкой по его жирной, мохнатой щеке и, на ходу придумывая слова, ответила:

- Я есть осваивать новые территории для поселений мух. Мне очен-очен есть нравится ваша э-э... кухня, и я, наверное, буду присылать сюда много-много африканская муха. На постоянное место жительства.

Глаза у Паука засветились счастьем. Он не верил свои ушам. Вот это да, вот это подфартило! Какая удача! А он, бестолковый, чуть было не упустил свою звезду, свою фортуна. И представить страшно, что он потерял бы, если бы несколько минут назад вонзил в эту бескрылую иностранку свои острые челюсти.

- Кстати, - еще не веря своей догадке, спросил он, задыхаясь от волнения, - а они что, тоже все без крыльев, эти твои соплеменники, ну, те, которые придут сюда?

- Йес, - ответила Муха, - конечно, у нас вообще не бывает

э-э... крыльев. Мы есть такой э-э... сорт.

- Очень хорошо! - выдохнул радостный Паук и тяжело поднялся на ноги, - очень хорошо! Ну что, я, наверное, пойду готовить много-много пау... э-э... угощений для новоселов. Спасибо Вам, милочка, за хорошие новости, приятно было познакомиться!

Муха, скромно потупив очи, склонилась в реверансе.

- А как зовут Вас, прекрасная иностранка? - заискивающе спросил Паук, оскалив корявые, испорченные зубы.

- Моя фамилия - Це-це, - ответила Муха.

Лирическое отступление

Талант. Шедевры в соусе

Скучно Мухе стало. Еды вокруг вдоволь, опасности никакой. Тараканы стороной обходят, здороваются вежливо - уважают. Паук из-за угла на Муху поглядывает, улыбается, какие-то сети плетет: наверное, рыбачить собрался. Для африканских мух свежей ушицы сварить.

Загрустила Муха. И так ей печально стало, что решила она стихи писать. А что тут такого? Это право каждого, может, у нее талант сокрыт невиданный. Грех талант в себе держать - надо им с миром делиться.

Компьютера у Мухи нет. Компьютер у Валерки в комнате. Да и все равно она им пользоваться не может. И Муха решила старым дедовским способом стихи писать - пером. Нашла на подоконнике маленькое засохшее перышко, оставшееся от Воробья, обмакнула его в соус и написала на стекле:

В доме голод и разруха -

Пронеслась лихая весть!

Это значит - в доме муха,

Муха тоже хочет есть!

- Талантливо! - сказала вслух Муха, - но про еду. Надо о чем-нибудь высоким:

Дождь по крышам,

В небе сыро,

Просит нежностей душа.

И луну, как ломтик сыра,
Ночь съедает не спеша.

- Гениально, - прошептала Муха, - но, кажется, опять о еде. Что за стихи такие дурацкие? Наверное, надо о чем-то неприятном писать, тогда о еде не будет сочиняться:

Сумрак, тени-великаны,
В одиночестве грущу.
Приходите, Тараканы,
Я вас ядом угощу!

- Красиво! Но где-то я уже слышала подобное. Кажется у Чуковского. Про Муху-Цокотуху. Это моя родственница, кстати, по материнской линии. Какая муха была, эх!

Сверчка на скаку остановит,
В горячую кашу войдет...

Нет, это не мои стихи, мне чужого не надо. Буду свои писать.

Муха обмакнула перышко, прикрыла глаза и задумалась.

Валерка пришел на кухню, укусил кусок торта с той стороны, где Муха его уже облизала, глотнул чая и вдруг увидел на стекле маленькие буквы стихов. Он сосредоточенно попробовал разобрать, что там написано. Понял или нет, но только захихикал с набитым ртом, растянул свою ухмылочку до самых ушей и ушел.

- Да-а, поэт обидеть каждый может, поэт обидеть легко,
- вздохнула Муха и написала:

Я Муха бескрылая, бедная,
Не надо меня обижать.

Я, в принципе, очень безвредная -
И хватит, пожалуйста, ржать!

- Все! - сказала громко Муха. - Вот он, талантище, так и прет! И чего это я раньше не писала? Давно бы уже известной была, знаменитой. В столице бы жила, в каком-нибудь пятизвездочном отеле - сидела бы на блюде с омарами да креветками и запивала бы все шампанским. Красота!

Стихает вокруг заваруха,
И радостно всем на земле,
Когда гениальная Муха
Творит на оконном стекле!

Глава 7

Зверь “под мухой”. О вреде пьянства

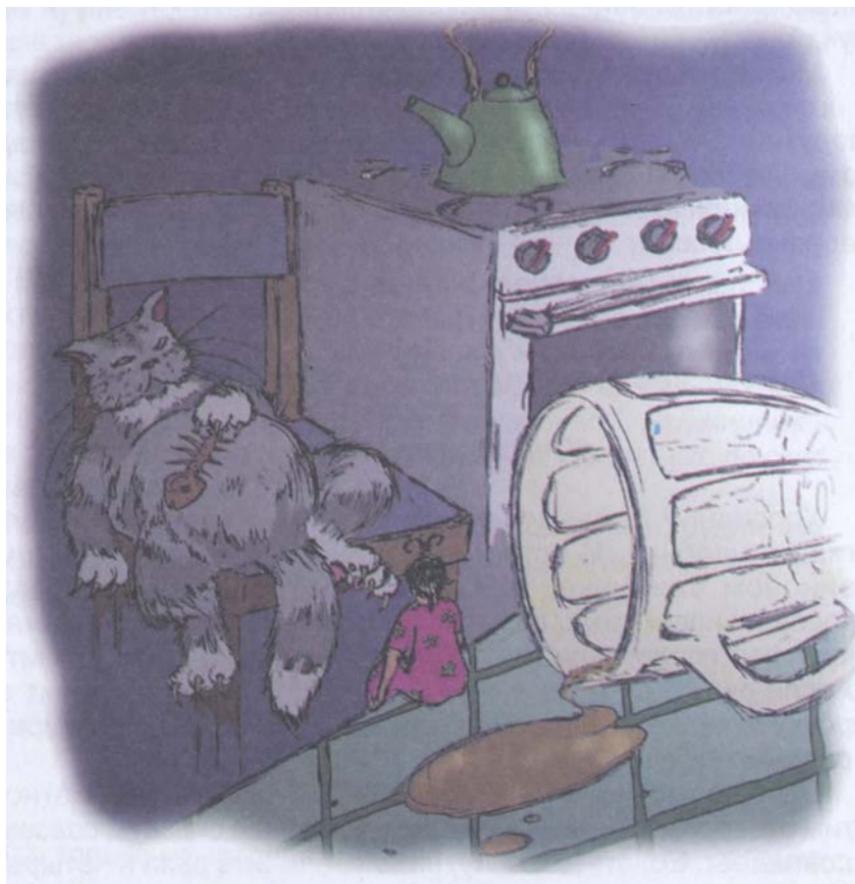
Страшнее зверя Муха не встречала раньше. Огромный, мохнатый, усы длиннее тараканьих, причем много усов. Глаза зеленые, в темноте светятся. Мягко и бесшумно зверь крался по ночной кухне, принюхиваясь на ходу. Легко и резво сиганул на стул возле разделочного стола и замер.

Муха притаилась и, стараясь быть незамеченной, стала наблюдать за ним. “Может это вор? - подумалось ей, - вот, значит, какие они, воры. Да, с такой пластикой и ловкостью запросто можно в любой карман влезть и любую кондитерскую фабрику ограбить!”

Зверь оглянулся на входную дверь, прислушался и, привстав на задние лапы, осмотрел стол. Там, кроме засохшего кусочка рыбьей головы и бокалов из-под пива, ничего не наблюдалось. Все было надежно спрятано в огромном белом шкафу, в котором даже летом стояла жуткая зимняя холодина. Зверь лизнул рыбью голову и сунул морду в бокал. И тут только Муха увидела, что в одном из них осталось немного пива. Воришка своим длинным розовым языком полакал пивка, потом опять хрустнул рыбьей головой и осторожно огляделся, облизываясь.

“Ну, гурман!” - улыбнулась Муха. Она перебралась по веточке розы поближе к ночному пришельцу и осторожно стала приближаться. Зверь опять нырнул в бокал с пивом и, уже откровенно причмокивая и довольно урча, допил его почти до самого дна. Потом он прикрыл, как видно от удовольствия, свои пронзительно светящиеся глазки, стащил на стул остатки рыбы, улегся там и, придерживая добычу лапами, стал ее грызть. Муха подошла к одной из пролитых капель пива и, нюхнув ее, лизнула. “Редкая гадость, - подумала она, - не задумываясь, променяю бутылку пива на каплю меда”. Она заглянула вниз, на зверя. Тот пьяненько улыбался и целовал рыбью голову в губы. “Вот дурачок!”, - хихикнула Муха. Она смело уселась на край стола, сложила на груди лапы и стала наблюдать за странным усатым воришкой. Зверь потянулся, зевнул, потом икнул и растянулся в полный рост на стуле. Он чего-то промурлыкал и завыл, страшно фальшивя:

- Там сидела Мурка - бархатная шкурка...
- Людей разбудишь, Карузо, - сказала Муха.
Зверь приподнял свою голову, всмотрелся в темноту и испуганно прошептал:
- Кто здесь?

- Это я, белая горячка, - пошутила Муха.
- Во допился! - сказал Зверь и всхлипнул.
- Шутка, - успокоила его Муха, - спи, сердешный, не тревожь народ: ночь на дворе.
Зверь привстал, приблизил свою морду к Мухе, всмотрелся в нее и промямлил:
- Брысь отсюда, малявка, не мешай культурно отдыхать...
ик...

- От малявки слышу, - обиделась Муха.

- А я тебя сейчас съем, - растянул ехидную улыбочку Зверь.

Муха растерялась, но быстро нашлась:

- Мухи только с лимонадом вкусные, а под пиво от нас только одна головная боль, так что грызи свою рыбу и не мяукай.

Мохнатый рухнул обратно на стул, стукнувшись затылком об его спинку, и через пару секунд сонно засопел. "Ну и тип!

- подумала Муха, - жалко Воробышка нет, он бы показал этому усатому!" Она еще раз попробовала каплю пива и, поморщившись, побрела на свой подоконник досматривать прерванный сон.

Лирическое отступление

"Счастливая Муха"

Хорошая у Валерки мухобойка. Фирменная. Красивая, легкая и удобная. И есть у нее одна особенность: на том резиновом блинчике, который, собственно, и шлепает надоевших насекомых, в самом центре - маленькая дырочка. Вокруг нее гордо написано: "Счастливая муха". Это значит, что если окажется муха в центре мухобойки, то проскочит в дырочку и останется цела и невредима. Если, конечно, не умрет от разрыва сердца.

Одно плохо: наша Муха по размерам, скажем деликатно, с этим отверстием не очень совпадает. Вернее сказать, совсем не совпадает. Ее, эту дырочку, надо увеличить раза в четыре, чтобы Муха спокойно и без усилий в нее проскочила.

Но это так, к слову.

Валерка и не собирался колошматить мухобойкой бедную Муху. Она же без крыльев, летать не может. За ней и охотиться не надо, и на цыпочках к ней подкрадываться. Неинтересно. Кому она нужна? Сидит себе и сидит на подоконнике, на солнышке греется, жует чего-то, на Валерку поглядывает.

Другое дело - остальные мухи. Их летом много в квартиру залетает. Наша Муха так их и зовет: "Эй, залетные!" Чужие мухи

в незнакомом помещении ориентируются плохо, туда-сюда носятся, суетятся, не знают, куда присесть, чтобы не слишком нахально выглядело. Но нахально все равно получается, потому что лапы у них неизвестно в чем после помойки, которая во дворе. Бацилла на бацилле и бациллой погоняет. Морды чумазые, зубы не чищены - ну никакой гигиены! Муха сначала терпела, сколько могла, помогала некоторым отсталым элементам, но потом ей это здорово надоело. "Как можно так себя запустить, где же сознательность, где достоинство?" - возмущалась она.

- Левее, левее! - кричит Муха Валерке, - вот они, за горшком! А вон еще одна, на люстру уселась! Ну, бей, бей говорю! Да черт с ней, с люстрой!

Валерка мухобойкой машет, шлепает залетных мух.

Те - кто с переломом, кто с сотрясением мозга (у кого есть) - отползают еле живые. Мухе кулаком машут. А муха на их угрозы - ноль внимания. Она из лепестка розы повязку на рукав смастерила, на повязке написала: "дружинник". Дружинник - это не тот, кто со всеми дружит, а скорее наоборот - кто дружит против всех. Кроме себя, конечно.

Вот такие у Мухи, наполненные опасностями, будни. Не только же ей клубнику лопать, надо же и экологический баланс контролировать.

Глава 8

"Бартер". Внучка директора медовой базы.

Пингвины, ау!

Кто только не заглядывает к Мухе в гости. Вот и сегодня одна дамочка явилась. Симпатичная. В желтую полоску топик на бретельках, на тоненьких ножках лосины желтенькие. Она пролезла под сеточкой, что на раскрытую форточку приклеена, робко заглянула на кухню и, увидев чайную розу, обрадованно плюхнулась в самую середину раскрывшегося бутона.

Что она там делала - Мухе не видно было, да и некультурно было подглядывать. Муха сидела и ждала, пока дама из цветка выберется. Гостья тяжело, но с довольной гримасой выкарабкалась, наконец, наружу, облизалась и увидела

Муху.

- Извините, - сказала она, - это Ваш цветок?

- А чей же еще! - на всякий случай ответила Муха.

- Ой, простите, ради бога, я Вас просто не заметила, думала, он - ничей. Мне так неудобно...

- Да ладно Вам, милочка, пользуйтесь на здоровье - я не жадная (Муху вконец сбила вежливость необычной гостьи), а Вы, собственно...

- Извините, я пчелка Ж-жанна.

- Очень приятно познакомиться, - улыбнулась ей Муха, - а я вот тут живу, э-э... розы, понимаете, выращиваю, ухаживаю за ними, поливаю каждое утро, да. А поливаю по своему рецепту: чаем с сахаром, с лимоном. Они так и называются - чайные розы.

- Какая прелесть! - просияла Жанна, - а я сразу почувствовала - какой нектар у Вашей розы ароматный, со вкусом лимона.

- Да, нектар у меня отменный - высший сорт! Со всего района прилетают за моим нектаром, - увлеклась Муха, - и кто только ни прилетает: и воробьи, и вороны, и эти, как их... пингвины...

Жанна недоверчиво покосилась на форточку, но вежливо промолчала.

-... И всем нектара хватает, - заключила Муха.

- А можно и мне к Вам наведываться? Мне, знаете, очень понравились Ваши розы, они вообще в наше время редкость.

Муха пропустила вопрос пчелки мимо ушей и продолжила:

- Я так устала от их подарков - чего только мне не тащат взамен, в благодарность, так сказать, за труды мои, ну и вообще... Воробей постоянно с карамелью прилетает. "Клюква в сахаре" - может, слышали? Ага, другие птицы: кто баночку варенья притащит, кто компота вишневого, - Муха вздохнула, - одно плохо: никто никогда не удосужился медку подкинуть, настоящего, свежайшего, эх!

Жанна оживилась:

- А Вы знаете, я могу. Я могу приносить Вам мед с большим

удовольствием. В нашем улье моя бабушка - директор медовой базы, и я могу меда брать сколько угодно. Ну как?

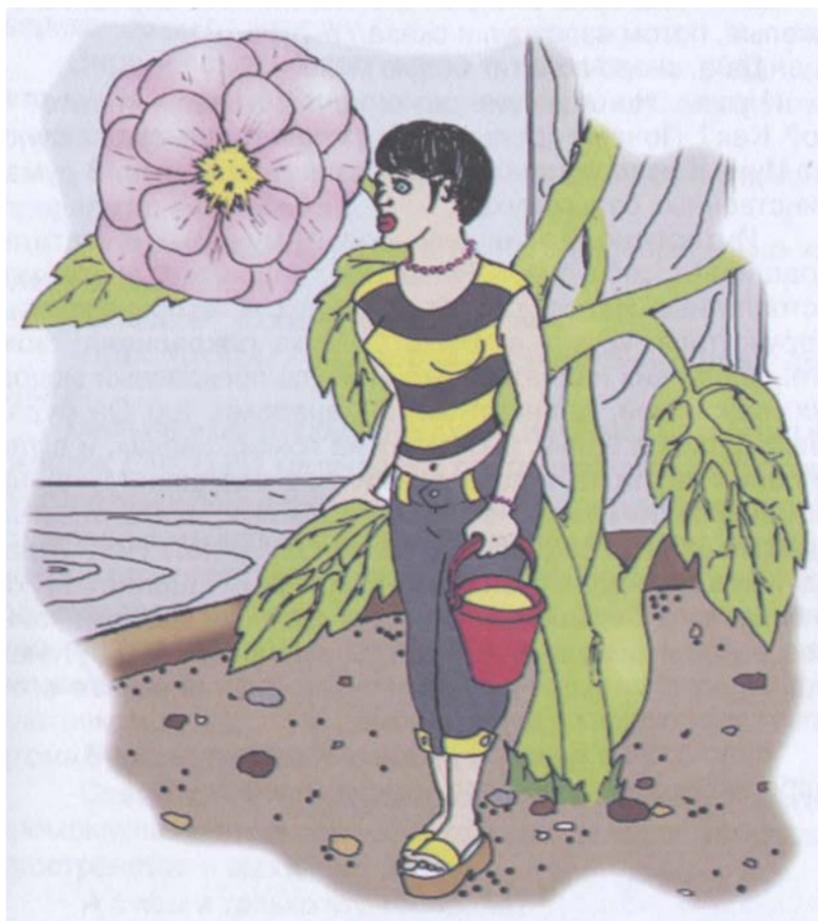
Муха сделала задумчиво-умное лицо, закатила к потолку глаза и, подняв вверх для важности пальчик, сказала:

- Бартер!

Пчелка Жанна не знала иностранных слов, она была русской до седьмого колена, но воспитание не позволило ей улететь просто так. Она поцеловала Муху в щечку и, зажужжав крылышками, пропела:

- Ж-ждите ж-жбанчик ж-живого меда! - и упорхнула.

- Ж-жалко все-таки, что пингвины не прилетают, - прошептала ей вслед Муха.

Лирическое отступление

... И о погоде...

И снова осень. Не может лето длиться бесконечно. Это только в Африке оно вечное. Мухе на подоконнике прохладнее стало, но все равно с улицей не сравнить. Там ветер сумасшедший листья по двору гоняет, сверху дождик накрапывает постоянно, как будто в небе сантехник какой-то недобросовестный копался. У Мухи многие знакомые в спячку ударились, только ей все не спится. Не может она пока уснуть. Ей очень хочется дождаться одного прекрасного мгновения, о котором она теперь думает целыми днями и ночами.

Как-то Валерка смотрел в окно, на небо серое, на тучи тяжелые, потом вздохнул и сказал вслух:

- Да-а, скоро полетят белые мухи!

И ушел. Не объяснил даже, не рассказал - что это? Кто это? Как? Почему "белые"? Неужели такие существуют?! Вот Муха и испереживалась вся в поисках ответа. В думах о таинственных белых мухах.

- Интересно, какие они, белые мухи? - мечтательно спрашивает себя она. - Наверное, красивые, элегантные, чистоплотные. Надо будет обязательно с ними познакомиться, подружиться. И, может быть... (Муха покраснела) может быть, среди них найдется какой-нибудь прекрасный молодой Мух: вежливый, деликатный, с манерами. Ах! Он будет в белом фраке и белых перчатках на тонких лапках, и в таких же белых сапожках с подковками (про подковки Муха знала из Валеркиной книжки о Левше) ...Белый, элегантный Мух подлетит к ней грациозно и скажет... О, нет! Нет. Я даже подумать боюсь, что он может сказать, - шепчет Муха и краснеет еще больше. - ...Они воспарят над цветами чайной розы, взявшись за лапки и, чокнувшись маленькими бутонами, выпьют сладковато-пьянящий нектар, расплескивая его по белым простынкам брачного ложе...

"Надо срочно худеть", - думает Муха и опять долго смотрит в небо в ожидании простого мушиного счастья.

Глава 9

Вера Ивановна, Николай Михайлович и Нобелевская премия

- Кто там? - спросил Валерка.

- Это я - твоя любимая учительница Вера Ивановна, - сказали за дверью.

- А родителей нет дома, - сказал Валерка.

- Ничего, я подожду, - успокоила его Вера Ивановна.

Валерка тяжело вздохнул и открыл дверь.

- Я пришла поговорить с ними о твоей успеваемости, а вернее, об ее отсутствии.

Вера Ивановна заглянула в комнаты и, убедившись, что никого, кроме Валерки, в квартире нет, нерешительно потопталась на месте.

- Проходите на кухню, я вас угощу чаем с лимоном, - предложил ей Валерка.

Учительница посмотрела на него подозрительно из-под очков и сказала:

- Спасибо, но меня чаем не купить!

- Как хотите, - проворчал Валерка и пошел делать уроки.

Вера Ивановна прошла на кухню и уселась на табурет возле окошка. Она была маленького роста, полненькая, с большим портфелем и походила на переросшую третьеклассницу. Муха сидела рядом и долго рассматривала Веру Ивановну, не решаясь начать разговор. Все-таки Муха была без педагогического образования и поэтому немного робела. Гостья сначала строго рассматривала кухню, потом стала нюхать чайную розу, а нанюхавшись вдоволь, чихнула и полезла в портфель за платочком.

- Будьте здоровы! - сказала ей Муха.

- Спасибо, - вежливо ответила Вера Ивановна и деликатно промокнула носик платком. Потом она замерла, уставилась в пространство и спросила:

- А с кем я только что говорила?

- Это я, Муха на окошке, - ответила Муха.

Вера Ивановна повернулась к ней, наклонилась, сняла очки и стала смотреть на Муху близорукими глазками, ненормально улыбаясь.

- Говорящая муха! - прошептала она.

- Нет, это Вам снится, - попробовала пошутить Муха.

- У меня, наверное, истощение нервное, - произнесла себе под нос Вера Ивановна, - мне надо срочно в отпуск, на "Лазурный берег".

Муха вспомнила эрудированного Станислава, пошевелила извилинами и сказала:

- Отнюдь.

Вера Ивановна глотнула воздуха, помахала на себя платочком и, не выдержав, опять повернулась к Мухе. С минуту она рассматривала ее то снимая, то одевая свои толстые старомодные очки, потом предположила:

- Да, вроде бы действительно муха, комнатная, семейства насекомых, отряда двукрылых, разве что без крыльев...

- А вы учитель по какому предмету? - спросила Муха.

Вера Ивановна долго переваривала смысл вопроса, не в силах еще опомниться, но потом взяла себя в руки и ответила с заискивающей улыбкой:

- Я, малышка, преподаватель биологии и по совместительству

- классный руководитель Валеры, вот того мальчика, который...

- Да знаю я Валерку, - перебила ее Муха, - редкой доброты человек, увлеченный, порядочный, в общем, классный пацан!

Вера Ивановна робко, но согласно кивнула и, стараясь не дышать на Муху, спросила:

- А Вы, извините, как разговариваете? Это ведь как-то противоестественно, и противоречит самой природе.

- Ну вот, пошли оскорбления, - вздохнула Муха.

- Что Вы, что Вы! - испугалась биологичка, - я и не думала Вас чем-то обидеть. Просто это так удивительно: муха - и разговаривает.

- А чего тут удивительного? Вы про лошадь Пржевальского слышали?

- А как же, кое-что известно.

- Вот именно, “кое-что”, - ухмыльнулась Муха, - эх Вы, биолог, про лошадь слышали, а про муху Пржевальского не знаете.

- Что-то, извините, не могу припомнить.

- Это не из школьной программы, - успокоила ее Муха, - не надо себя винить. Так вот, вместе с лошадью Пржевальского была открыта одна, редко встречающаяся в природе особь, так называемая “муха Пржевальского”, - она напряглась и добавила:

- Николая Михайловича, эти мухи чрезвычайно талантливы и

способны к языкам, хоть и отличаются отсутствием крыльев. Нас в природе остались единицы, и Валерка, как истинный специалист и фанат своего дела, сумел нас сберечь для науки...

- Валера? Это все Валера? - удивилась Вера Ивановна.

- А то как же? Вы думаете, чего это он в школе не успевает? У него такие нагрузки! Он ведь ночей не спит, не доедает, для человечества старается, занимается се-ле-кци-онированием, ну и всякими такими делами. Изучает нас, учит человеческой речи и даже прививает способность к творчеству. В общем, на Нобелевскую премию тянет.

- С ума сойти! - округлила глаза Вера Ивановна.

- А Вы со своими дурацкими пестиками и тычинками, да инфузориями с тувельками отвлекаете парня. От научной, понимаете, деятельности.

- Я, простите, не знала... я... э-э даже не предполагала...
- растерялась Вера Ивановна.

- Да ладно, мы зла не помним, - снисходительно сказала Муха, - но добро и поддержку всякую высоко ценим.

Она устало зевнула и поудобнее устроилась на опавшем лепестке розы. Вера Ивановна подавленно молчала. Потом тихонько встала, не спуская с мухи глаз, и попятилась к выходу.

- Куда же вы, коллега?! - крикнула ей Муха, но Вера Ивановна ее уже не слышала. Мысленно она была уже на желтом раскаленном песке "Лазурного берега".

Глава 10

"To be, or not to be", или "завтра" начинается "вчера"

Нет, не все так гладко в жизни, как на первый взгляд кажется. Вроде бы и солнышко в окошке, и пропитание в достатке, но есть еще проблемы, которые Мухе покоя не дают для спокойного существования.

Сидит она уже часа два, не двигаясь. Но это только кажется, что без движения Муха, что задремала она. Мысленно

она мечется в решении одной жизненно важной задачи, сейчас весь мозг ее задействован одним вечным вопросом, который сам собой образовался в короткую фразочку: “быть или не быть!”

Сегодня утром, чуть продрал глаза от яркого света за окном, Муха услышала постороннее шлепанье чьих-то крыльев. Воробышек вернулся?! Нет, не то. Тараканы решили размяться-полетать? Куда им! Но звук крыльев Муха слышала отчетливо и была уверена, что это не муха посторонняя и не какой-нибудь комарик-вампирик. Она задрала голову вверх и увидела маленькую бабочку, которая глупо билась о стекло хрупкими крылышками. С минуту Муха наблюдала за ней, стараясь уловить разумный смысл в этом шлепанье крыльев, но потом нервно кашлянула и, не обратив на себя внимание, уже громче крикнула бабочке:

-Эй!

Бабочка замерла, посмотрела вниз, на Муху, и устало опустила рядом с ней, тяжело дыша.

- Никак не могу понять, что меня держит, - зло запричитала она, - вижу пространство впереди, двор широкий, небо, я - туда и не могу! Как будто кто-то вцепился в меня, оглядываюсь - никого! Невидимка какой-то! - она подозрительно покосилась на Муху, - это не Вы меня держали?

Муха хотела было пуститься в объяснения, но потом посмотрела на крохотную черепную коробочку бабочки промеж двух огромных наивных глаз и передумала. Зевнула, потянулась, постучала лапкой по окну и сказала просто:

- Это стекло.

- А-а, - ответила бабочка, но Муха засомневалась, что той было понятно.

- Поднимись повыше, - небрежно посоветовала ей Муха, - туда, где форточка приоткрыта: под сеточкой есть щель, вчера в нее пчелка влезала. Надеюсь, ты, голубушка, знаешь, что такое форточка?

Бабочка подняла голову, всмотрелась и благодарно улыбнулась:

- Я поняла, большое Вам спасибо.

Она слегка подпрыгнула, собираясь взлететь, но вдруг

замерла, уставившись в небо за окном. Муха решила, что бабочка что-то увидела там, но та сложила крылья вместе, обернулась к ней и спросила:

- Простите, Вы сказали одно слово... я не поняла его.
- Форточка - это...

- Нет.
- Пчелка?
- Нет.
- А что же?
- “Вчера”. А что такое “вчера”?
- Ну, “вчера” - это... вчера, это то, что было между сегодня

и позавчера, - философски пояснила Муха, - понятно?

- Нет.

- О господи, чего тут непонятного?! Солнце взошло - наступил день, солнце ушло - день кончился. Потом ночь, все спят. Кроме кота и тараканов. Кстати, вы не знакомы со Станиславом? Умнейшая, я Вам доложу, личность. Ага, так вот: спят, спят - и раз! Опять день, но уже другой. И так далее. Вот так и идет день за днем, практически бесконечно. "Вчера" уже вчера, а сегодня новый день, называется "сегодня", он тоже кончится.

Муха устала от своего выступления, но ей показалось, что оно не прошло даром: в глазах ее собеседницы вспыхнул какой-то огонек мысли.

- Я боюсь даже спрашивать Вас, - робко произнесла бабочка, - но не хотите ли Вы сказать, что после этого дня, когда сядет солнце, потом будет еще день, а потом еще?!

- Вы не поверите, но это так, - усмехнулась Муха. - Правда, я не ручаюсь, что это будут точно такие же дни, то есть может пойти дождь во дворе, или Валеркины предки задумают генеральную уборку на кухне, мало ли... Но этим и интересна жизнь!

- Ужас! Какой ужас! - воскликнула бабочка сорвавшимся голосом. - Что Вы такое говорите?! - и она, прикрыв поникшими крыльями глаза, зашла в рыданиях.

Муха растерялась. Что она такого сказала? Она посмотрела по сторонам, рассеянно походила вокруг плачущей бабочки и робко тронула ее тонкие нежные крылышки.

- Эй.

Бабочка еще несколько раз всхлинула, тяжело прерывисто вздохнула и, не обращая на Муху никакого внимания, произнесла севшим голосом:

- Я всегда думала, что жизнь - это то, что до захода солнца.

- Как это? - усмехнулась Муха, но опомнилась и внимательно посмотрела на бабочку, - а потом?

- А потом жизнь кончается.

Муха судорожно глотнула воздуха и схватилась за стебель розы, чтобы не упасть.

- Но почему?

- Потому что мы - бабочки-однодневки. Мы живем только один день, всего один.

Муха почувствовала вдруг себя маленьким, глупым насекомым, бессмысленно ползающим по подоконнику в ожидании непонятно чего. Лениво уплетая за обе щеки спелую клубнику и попивая сироп, она думает, что это и есть смысл жизни, а все остальное время - это пауза между завтраком и обедом, полдником и ужином.

- День - это много, - прошептала она, - успокойся... Хочешь, я что-нибудь придумаю?

- Неужели Вы можете остановить солнце? - печально, сквозь невысохшие слезы улыбнулась бабочка.

Муху осенило:

- Нет, солнце - вряд ли, но я могу включить светильник! Когда все уснут, мы включим вот тот яркий ночничок, и ты будешь жить еще! Твой день, твоя жизнь продлится, ты сможешь увидеть "завтра". Да, мы так и сделаем. А сейчас приведи себя в порядок и успокойся, я угощу тебя сладкими вещичками и заодно расскажу местные новости - это очень интересные новости.

- Спасибо, спасибо Вам, - бабочка посмотрела вверх, на приоткрытую форточку, - но я должна лететь.

- Куда?!

- Туда, во двор, к своим.

- Но зачем? Через несколько часов там наступят сумерки, потом придет ночь, и ты, наверное, погибнешь!

- Наверное.

- И что? - пораженно удивилась Муха, - зачем тебе туда лететь? Мы увеличим день, мы поставим природу с ног на голову!

Она совсем разошлась и почти сама поверила, что бабочка сможет жить не только следующий день, но и больше, даже вечно, так же, как и она...

- Я должна.

- Фанатизм какой-то, - рассердилась Муха, - учти, я даю тебе хороший шанс.

Бабочка легко подпрыгнула, повисела на одном месте,

обдувая Муху приятным ветерком крылышек, и сказала:

- Я должна лететь, мне надо успеть отложить яйца, чтобы на свет появились новые бабочки. Им тоже надо увидеть солнце. Не переживайте за меня, мои детки увидят “завтра” - я хочу этого! А сколько длится жизнь - не важно, главное - чувствовать ее, каждое ее мгновение. Пусть для нас минута, как для кого-то целый день, но иногда за минуту можно сделать гораздо больше полезного, чем за несколько бессмысленных дней. Прощай!

И она упорхнула.

Муха даже не осмелилась смотреть ей вслед, она была в каком-то печальном оцепенении, подавленно молчала и провела в молчании весь оставшийся день, маленький промежуток между “вчера” и “завтра”.

Эпилог

А, между прочим, крылья, оторванные когда-то Валеркой у Мухи, - не самая большая для нее потеря. Наша муха была достаточно молода, и те крылья были “молочными”, временными, как зубы у ребенка. Они бы все равно отпали.

Теперь у нее новенькие блестящие крылышки и классный дружок диджей Макс. Муха сменила прическу, родила пару черноглазых сорванцов и часто тусуется на городской свалке среди простого народа.

И еще кое-что

ИЗ ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ

Кем быть?

Когда Валерка родился, папа на радостях принес в дом хоккейную клюшку.

- Это еще зачем? - удивилась мама, пеленая двухнедельного Валерку.

- Ну, так, в подарок, - сказал довольный Валеркин папа.

- Кому, мне?

- Что ты, радость моя, конечно нашему мальчику.

- Зачем это ему?

- Странные вопросы ты задаешь, однако. Пусть ребенок привыкает к хоккею, потому что будет он у нас хоккеистом.

- Это тебе что, во сне приснилось?

- Нет, это я так решил.

- Только через мой труп! - сказала мама, и Валеркины родители поссорились.

Валерке, между прочим, было все равно, он слабо что соображал, и клюшка для него сейчас была не ценнее бутылочки с молоком.

На следующий день мама пошла в магазин и купила скрипку.

- Ой, держите меня! Ты что, решила заняться музыкой? - удивился папа.

- Ты же знаешь, что у меня абсолютно нет слуха, - ответила мама.

- Уж не хочешь ли ты сказать, что купила эту балалайку моему сыну?

- Ну, во-первых, не балалайку, а скрипку. А во-вторых, это не только твой сын, но и мой, и будет он, к твоему сведению, не хоккеистом, а скрипачом.

- О господи, только не это, - захныкал папа.

- А будешь возмущаться - вообще поставлю пианино, причем на место твоего любимого кресла.

Папа закричал, оделся и ушел на вокзал. На вокзале он встречал поезд, в котором приехала его мама, Валеркина бабушка. Она ехала издалека, и ей ох как не терпелось увидеть своего любимого, единственного внука. Бабушка вышла из вагона и обнялась с папой.

- Здравствуй, сынок.

- Здравствуй, мама, пойдём скорее домой, пока у нашего мальчика не наступил сон-час, - сказал папа.

- Подожди, - попросила бабушка, - сейчас только получу багаж.

Папа спросил робко:

- Багаж с чем?

А бабушка вся засияла и ответила:

- Я думаю, что вы ещё не решили, кем будет наш мальчик, когда вырастет. Я вам приготовила сюрприз и сняла

с ваших плеч эту проблему. Наш мальчик обязательно станет дрессировщиком, известным на весь мир!

- Дрессировщиком кого? - прошептал папа.

А в багажном вагоне что-то пыхтело и рычало...

Вакансия

- Все, моему терпению приходит конец! - сказала мама вечером. - Я сегодня была на родительском собрании, и Вера Ивановна очень жаловалась на нашего Валерку: совсем невнимательный стал, все мечтает о чем-то, уроков не слушает, скатился до троек.

- Да-а, - помрачнел папа, - ты права, дорогая, сегодня выносим на повестку дня один животрепещущий вопрос.

Валерка поднял голову от книжки и покосился на папу: вечно тот выражается, как у себя на работе. Валерка представил нечто "животрепещущее", бьющееся в судорогах в руках папы, которое они всей семьей выносят на "повестку дня", но, конечно, ничего не понял.

- В общем, так, - сказал папа, - с завтрашнего дня начинается твой испытательный срок, уважаемый Валерий, и если в этот срок ты не покажешь значительных результатов в учебе и поведении, то... то мы с мамой... уволим тебя из сыновей! Ты понял?

Валерка округлил глаза, посмотрел на родителей и спросил:

- Как это, уволите?

- Обыкновенно, - подтвердила мама, - напишешь заявление об увольнении по собственному желанию...

- В двух экземплярах, - добавил папа.

- Да, в двух, - согласилась мама, - соберешь свои учебники, игрушки - и ищи себе новую семью.

- Как?! - испугался Валерка, - я же у вас один! Как вы можете меня... того... уволить?!

- Запросто, - ответил папа, - заведем себе нового сына, нормального и прилежного - подумаешь, вакансия!

- Да, - кивнула мама, - точно, а игрушки все-таки придется оставить для нового ребенка.

- Так что давай, сынок, думай, - строго заключил папа, - делай выводы.

Валерка обиженно засопел, нахмурился, но потом подумал немного и сказал:

- А я тогда к бабушке перееду, она меня давно зовет, буду у нее внуком работать!

Лучший двор планеты

Спросите у любого прохожего: “Чей двор самый лучший в городе?” И каждый честно ответит: “Чего уж там, двор Авдеича, спору нет, это и младенец знает”.

Это сейчас Степан Авдеич дворником работает, а раньше он всю жизнь старшиной служил в воинской части. Причем не в какой-нибудь части, а в десантной. Это вам не “ать-два-левой”! Ушел он на пенсию старшим прапорщиком, погоны у него как у генерал-полковника, только звездочки поменьше.

Посидел Авдеич дома несколько дней, поскучал, в окошко посмотрел на двор свой - и не выдержал, пошел в ЖЭК:

- Здравствуйте, - говорит, - возьмите меня дворником, не могу, - говорит, - я без работы сидеть, мне надо что-то делать и за что-нибудь отвечать.

- Ладно, - сказали в ЖЭКе, - идите - отвечайте за наш двор, но чтоб чистота была и порядок!

- Ну уж это будьте спокойны! - обиделся Авдеич, - порядок будет самый порядочный!

И не подвел Авдеич воздушно-десантные войска. Преобразился за месяц двор всем на удивление. Посветлел, побелел, позеленел, где надо. Авдеич бордюрки побелил, деревца понасажал, старые шины в разные цвета пораскрасил, стал скамеечки колотить. Девчонок и мальчишек себе в помощники позвал - а чего им летом делать? Им только команду дай - они со своим молодым энтузиазмом горы свернут. У Авдеича все строго, все с иголочки: кирпичик к кирпичику,

травинка к травинке. Ни один муравей просто так по двору не проскочит - только строем.

Начальник ЖЭКа на Авдеича не нарадуется - всем в пример ставит. Жильцы на цыпочках ходят: боятся тротуар испачкать. Птицы и те аккуратней стали.

Прослышал о самом чистом дворе и мэр города. Интересно ему стало. Дай, думает, загляну одним глазком, что это за двор такой, чем он может от других отличаться, если планировка стандартная, сугубо типичная, так сказать.

Взял мэр своих помощников, и поехали они двор смотреть. А Авдеич как раз с ребятами беседку конструировал, повышенной сложности, как предмет эстетического совершенства.

- Добрый день! - говорит мэр, - действительно, красиво у вас тут. Это Вы, что ли, такой марафет навели?

- Мы, - заскромничал Авдеич.

- Молодцы! Надо вас по телевизору показать, чтобы хороший пример для других был, - сказал мэр и уехал.

А через пару дней опять появился, корреспондентку и оператора с камерой с собой привез.

- Давайте, - говорит, - Степан Авдеич, старшина Вы наш почетный, я Вам буду руку жать, а нас снимать будут.

Жмет он Авдеичу руку, улыбается, как и положено официальному лицу. Авдеич тоже улыбнулся и, когда руку мэру жал, красочки попросил влагоморозостойкой.

- Хорошо, будет вам краска, - пообещал мэр.

- Идиот! - сказала корреспондентка. Но не Авдеичу, конечно, и не мэру, а своему оператору, - идиот, ты с объектива крышечку забыл снять!

Оператор крышечку снял, извинился, а мэру опять пришлось улыбаться и руку Авдеичу трясти. Авдеич руку мэра подольше попридержал и еще кое-чего у него выклянчил.

Через неделю двор Авдеича с мэром внутри по телевизору показали. А потом репортаж на центральное телевидение попал. Но зря, конечно. Теперь у Авдеича совсем не осталось времени за порядком во дворе следить. Он теперь только репортеров и прессу всякую принимает, интервью дает. Уже не стесняется, как раньше, в камеру смотреть. Ходит по двору в костюме парадном, в галстук, хоть и с метлой. Надо быть

наготове: вдруг опять кто-нибудь заявится...

- О-о! Здравствуйте, господин президент, очень рад Вас видеть, только Вы по газону шибко-то не топчитесь!..

Баба Маня

Бабушка Маня Кубышкина больше всего на свете любила голубей и дворника Авдеича.

Но если дворника она полюбила совсем недавно, на прошлой неделе, то голубей любила с детства. Маня Кубышкина не всегда была бабушкой. Лет много-много назад она была маленькой шустрой девочкой с косичками. И у нее была своя мама, папа и несколько старших сестер. Мама была веселой и красивой, а папа Мани Кубышкиной был печальным и молчаливым. Печальным он был от того, что очень хотел иметь сына. Но в семье Кубышкиных появлялись только девочки с косичками, которые папу, почему-то, не очень радовали.

Папа Мани Кубышкиной был голубятником. Когда Маня была еще очень маленькой, она думала, что “голубятник” - это такая профессия, потом оказалось, что профессия папы называлась “фрезеровщик” - непонятное, но красивое название. А “голубятник” скорее было ругательством, потому что когда мама называла его так - она морщила носик и презрительно усмехалась. А папа обиженно сжимал губы и уходил на крышу. К своим голубям.

Однажды Мане стало жалко папу, и она поднялась к нему на крышу. Папа очень обрадовался. Не сразу, конечно, а потом, когда Маня стала пропадать с ним на крыше целыми днями. Она помогала ему вести голубиное хозяйство, ухаживала за птицами, чистила их домики, а за это папа учил Маню свистеть. Свистеть надо было громко и протяжно, чтобы голуби могли слышать этот свист Мани и не путать его со свистом других голубятников.

Так Маня стала голубятницей. Ей было двенадцать лет, и она еще не думала становиться кем-нибудь, например, фрезеровщицей, как папа. Она училась в школе, и после обеда у нее была масса свободного времени, которое она проводила с голубями. Птицы так привыкли к девочке, что прилетали к ней в школу, садились снаружи на козырек окошка и высматривали в классе Маню. Мане было очень приятно, хотя другие дети и не подозревали, что голуби прилетали именно к ней.

Потом Маня выросла. Детство кончилось, голуби

разлетелись так же, как и старшие сестры - по всему свету. Маня вышла замуж и уехала в другой город. У них с мужем были дети - мальчик и девочка, которые тоже в один прекрасный день стали взрослыми и уехали далеко от родителей.

Муж у бабушки Мани Кубышкиной давно умер, и она живет совсем одна. Но она почему-то не похожа на других одиноких старушек, которые вечно сидят во дворе на лавочке.

Вечером, когда мальчишки собираются погонять мяч на детской площадке или пойти на дискотеку, они подходят к бабушке Мане Кубышкиной.

- Баб Мань, свистните Валерке, чтоб вышел, - просят они. И маленькая, старенькая, сгорбленная старушка поднимает с милой улыбкой свое морщинистое личико, и в глазах ее загорается яркий, озорной, совсем не стариковский огонек. Она ищет взглядом нужные окна, складывает губки лодочкой, и даже в соседних дворах слышен ее звонкий, пронзительный, молодецкий свист.

КОНЕЦ

СОДЕРЖАНИЕ:

От автора	6
Глава 1 Первое знакомство с Мухой...	7
Глава 2 Между жизнью и смертью...	10
Глава 3 Долг платежом красен...	13
Л. О. Из жизни людей.	15
Глава 4 Новое знакомство...	17
Л. О. Торт и “ПК”.	20
Глава 5 Поделись последним яблоком...	21
Л. О. Утренний гость...	24
Глава 6 “Пусть всегда буду я”...	25
Л. О. Талант. Шедевры в соусе.	28
Глава 7 Зверь под “мухой”...	30
Л. О. “Счастливая Муха”.	32
Глава 8 “Бартер”. Внучка директора...	33
Л. О. ...И о погоде...	36
Глава 9 Вера Ивановна, Николай Михайлович...	37
Глава 10 Быть или не быть...	40
Эпилог.	45
“И ещё кое-что из жизни людей” Рассказы:	
Кем быть.	46
Вакансия.	48
Лучший двор планеты.	49
Баба Маня.	52

МУХА
повесть, рассказы

Автор: Николаев Юрий Николаевич

Художник: С. Дикарев

Дизайн и верстка: А. Шишкин

Технический редактор: Д. Киба

Набор и корректура: Т. Белоусова

Художественный редактор Г. Николаева

Технолог: Н. Михедов

*Отпечатано в типографии ООО ПКП «ЖУК»
Тираж 1800 экз. Подписано в печать 30.11.04 г.*